Ю. А. Дидык

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС Б. ШОУ)

Работа представлена кафедрой перевода и переводоведения
Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Пузырев

Статья посвящена рассмотрению речевой манипуляции в рамках общей, частной и специальной методологии. Сравнение манипулятивных контекстов оригинального и переводного текста свидетельствует об адекватной передаче речевых средств манипуляции близко к оригинальному тексту.

Ключевые слова: манипуляция, психологическое воздействие, тетрахотомия, средства манипуляции, коммуникативная стратегия.

The article is devoted to the phenomenon of manipulation in the sphere of general, specific and special methodology. The comparison of the texts in the original and translation proves the adequate interpretation of verbal means similar to the original.

Key words: manipulation, psychological influence, tetrachotomy, manipulative means, communicative strategy.

В рамках определения методологических основ изучения речевой манипуляции в оригинале и переводе следует различать три уровня методологии: общую, частную и специальную, или конкретную [12, с. 496–497].

В плане наиболее общего рассмотрения феномена манипуляции нам импонирует методология, разработанная современным российским философом А. А. Гагаевым. Согласно этой методологии, в любом предмете исследования должны выделяться четыре одновременно сосуществующих: исходный предмет; развитой предмет; то, во что он превращается; будущий предмет. В онтологическом плане этому соответствует различение четырех ступеней сущности: бытие, сущность, явление, действительность. В логике этому разграничению соответствуют категории всеобщее, общее, особенное, единичное. Каждый из этих предметов рассматривается в пяти целевых подсистемах, предполагающих движение от абстрактного к конкретно-единичному: «Всеобщее» (генетический аспект), «Общее» (логический аспект), «Конкретно-абстрактное» (закон развития), «Особенное» (функциональный аспект), «Единичное» (индивидуально-неповторимые особенности предмета) [2, с. 173–203].

В плане общей методологии манипуляция должна рассматриваться как неотъемлемая составляющая любого человеческого общества, поскольку общество располагает не только языком (основным средством осуществления манипуляции), но и определенным количеством объектов и субъектов манипуляции. Не вызывает сомнений и тот факт, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, а человек, будучи существом глубоко социальным, «возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием» [6, с. 11].

В качестве причин возникновения манипуляции в литературе, посвященной проблемам ее изучения, указываются: 1) конфликт человека с самим собой, ощущение абсолютной беспомощности, недоверие по отношению к другим людям; 2) неспособность к любви; 3) ощущение абсолютной беспомощности; 4) боязнь тесных межличностных контактов; 5) некритичное стремление получать одобрение всех и каждого [4, с. 63–64].

Очевидна психологическая составляющая манипуляции. Манипулятивное воздействие опирается на чувства, эмоции, настроения адресата. Сам манипулятор, по словам Э. Шострома, чувств не испытывает, а старательно подбирает и выражает их в зависимости от обстоятельств, истинные эмоции заменяются им на фальшивые [13, с. 37].

Поскольку манипуляция имеет явно психологические основания, она вполне может рассматриваться как вид психологического воздействия.

Под психологическим воздействием понимается «изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических, социально-психологических закономерностей» [8, с. 491]. Рассматривая манипуляцию как вид психологического воздействия, Е. Л. Доценко выделяет ряд черт, присущих манипуляции: «1) родовой признак – психологическое воздействие, 2) отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей, 3) стремление получить односторонний выигрыш, 4) скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленность), 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях, 6) побуждение, мотивационное привнесение и 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий» [4, с. 58].

В качестве частной (общелингвистической) методологии рассмотрения феномена манипуляции мы опираемся на методологию, предложенную А. В. Пузыревым. Эта методология исходит из постулирования четырех ступеней сущности изучаемого предмета. В качестве исходной выступает тетрахотомия: мышление (исходный предмет) – язык (развитой предмет в собственном смысле слова) – речь (то, во что данный предмет превращается) – коммуникация (будущий предмет) [9, с. 32].

На уровне мышления – уровне полагающей рефлексии – устанавливаются основания изучаемого явления. Несомненно, что в основе манипуляции лежат психологические и социальные причины. В то же самое время для манипуляции характерен ряд черт, отличающих ее от психологического воздействия в целом. Это скрытость, косвенность воздействия, мастерство манипулирующего, возникновение собственного намерения или желания у объекта манипуляции, получение выгоды (материальной или нематериальной) манипулятором, разрушительный характер манипуляции.

Уровень языка – основной детерминирующий уровень. На этом уровне выявляется сущность изучаемого предмета, о которой исследователь может только предполагать. В своей работе мы пользуемся следующими гипотезами:

1. Поскольку любое взаимодействие людей связано с общением [3, с. 89–113], постольку манипуляция должна рассматриваться как психолингвистическое явление, неразрывно связанное с уровнем коммуникации.

2. Язык располагает богатым набором языковых средств, способствующих эффективному проведению манипуляции.

3. Вероятно, что манипулятивный стиль реализуется на всех пяти традиционно выделяемых языковых уровнях – на уровнях (ярусах) фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса и семасиологии.

Вероятнее всего, средствами манипуляции являются:

• *на уровне фонетики* – стилеобразующие варианты фонем, аллитерация, ассонанс, ремарки, паузация;

• *на уровне морфологии* – категории наклонения (изъявительного, повелительного, сослагательного), местоимений, частиц, междометий;

• *на уровне лексики* – употребление слов различных функционально-стилевых групп, эмоционально-окрашенных слов (включая оценочные и экспрессивные), а также лексического повтора;

• *на уровне синтаксиса* – несоответствие структурного и семантического значения предложений, т. е. их употребление в несобственно прямом значении, недостаток (односоставные, неполные предложения) или избыток компонентов в высказывании (сложные синтаксические конструкции, осложненные по форме высказывания), инверсия, синтаксический параллелизм;

• *на семасиологическом уровне* – различные тропы и фигуры речи (гипербола,

мейозис, метонимия, метафора, ирония; сравнение, синонимы уточнители, нарастание, оксюморон) [10, с. 88–156].

Исследование речевого выражения манипуляций на *уровне речи* предполагает учитывать требования конкретной методологии, в рамках которой находят свое применение различные методы лингвистических исследований: метод стилистического анализа, описательный метод, сравнительный метод, метод сопоставительного анализа, метод интерпретации текста и др.

В качестве примера речевой манипуляции приведем отрывок из пьесы Б. Шоу «Пигмалион», где профессор Хиггинс, поспорив с полковником Пикерингом, что сможет из любой невоспитанной и необразованной девушки сделать герцогиню за короткий промежуток времени, уговаривает цветочницу Лизу остаться у него и заниматься фонетикой. Так как девушка не проявляет интереса к этому вопросу, Хиггинс как манипулятор пускает в ход все средства и обещает ей «золотые горы».

1. H i g g i n s. You shall have boxes of them, barrels of them, every day. You shall live on them. Eh? And in future you shall have as many taxis as you want. You shall go up and down and round the town in a taxi every day. Think of that, Eliza [16, с. 33].

2. Перевод Е. Калашниковой:

Вы будете есть шоколад каждый день, коробками, бочками! Вы будете питаться одним шоколадом! Ну как, идет? И отныне вы будете разъезжать на такси сколько вам захочется. Каждый день вы будете брать такси и кататься по городу: вдоль, поперек и потом еще кругом. Учтите это, Элиза… [14, с. 104–105].

3. Перевод П. Мелковой:

Вы будете получать шоколад коробками, бочками, каждый день. Вы только им и будете питаться. Ну как? Теперь вы будете ездить в такси сколько захотите. Можете хоть каждый день кататься по всему городу и вдоль, и поперек, и вокруг. Подумайте об этом, Элиза… [15, с. 28].

4. Дословный перевод:

У вас будут коробки шоколада, бочки шоколада, каждый день.

Ты будешь жить на шоколаде. Ну? И в будущем у тебя будет так много такси, как захочешь. Ты будешь ездить вверх и вниз и вокруг города на такси каждый день. Подумай об этом, Элиза. [16, p. 33; перевод наш. – *Ю. Д.*].

На фонетическом уровне отметим в переводе Е. Калашниковой восклицательную интонацию (отсутствующую в оригинале), вопросительную интонацию, паузацию (незаконченное предложение), что, вероятно, свидетельствует о желании передать недосказанность, возможность домыслить, дорисовать в сознании все перспективы. При этом такая передача (паузация, восклицание, явно отсутствующие в оригинале) свидетельствуют о более яркой передаче воздействия на адресат. В отличие от Е. Калашниковой переводчик П. Мелкова не использует в переводе восклицание, но сохраняет вопросительное высказывание. Однако равно как и Е. Калашникова, П. Мелкова использует паузацию и предугадывает явную недосказанность, завуалированность в высказываниях профессора. В целом на фонетическом уровне Е. Калашниковой удалось ярче, чем П. Мелковой, передать психологическое воздействие и эмоции манипулятора.

На морфологическом уровне Е. Калашникова сохраняет в переводе изъяснительное наклонение, будущее время и повелительное наклонение, что явно характеризует Хиггинса как активного манипулятора и способствует эффективному психологическому воздействию. При этом Е. Калашникова многократно использует в переводе местоимение *вы,* хотя в оригинале, на наш взгляд, предполагается форма *ты*, ведь Хиггинс хочет установить контакт и дружеские отношения с Лизой, чтобы ус-

пешно осуществить манипуляцию. Следует заметить, что Е. Калашникова сохраняет в переводе частицу *ну* и применяет прием добавления (*как, идет*?), что тоже способствует передаче воздействия. Равно как и Е. Калашникова, переводчик П. Мелкова тоже сохраняет в переводе изъяснительное наклонение и будущее время, а также повелительное наклонение. П. Мелкова тоже не усматривает подразумеваемое в оригинале личное местоимение *ты* и использует вежливую форму *вы.* В отличие от Е. Калашниковой П. Мелкова сохраняет в переводе частицу *ну,* но не использует приема добавления, что, на наш взгляд, не способствует повышению эмоционального фона манипулируемой и не вызывает желания испытать на себе все, о чем так красноречиво говорил Хиггинс. В целом передача манипулятивного воздействия в переводах и Е. Калашниковой и П. Мелковой на морфологическом уровне совпадает.

На лексическом уровне Е. Калашникова сохраняет передачу лексического повтора (*вы будете*) и положительно-окрашенной лексики. При этом переводчик использует в переводе разговорную лексику (*разъезжать*), что свидетельствует о желании представить Хиггинса как своего парня, друга для Лизы, поэтому жертве будет трудно устоять перед подобными перспективами. П. Мелкова тоже сохраняет передачу лексического повтора (*у вас будет*), однако лексические средства в ее переводе нейтральны (*будете ездить*) по сравнению с переводом Е. Калашниковой (*разъезжать*). Однако П. Мелкова не только сохраняет авторский полисиндетон, но и усиливает его передачу (и вдоль, и поперек, и вокруг). Полагаем, что обе переводчицы адекватно передают этот уровень.

На синтаксическом уровне Е. Калашникова сохраняет оригинальный параллелизм в переводе, что способствует созданию четкости, ритмичности. Подсознательно Лиза воспринимает столь красочные перспективы, что побуждает ее принять предложение (в итоге она так и поступает). В отличие от Е. Калашниковой, П. Мелкова не сохраняет авторский параллелизм в переводе, что, на наш взгляд, не способствует передаче психологического воздействия и лишает перевод четкости в плане передачи манипуляции.

На семасиологическом уровне Е. Калашникова сохраняет передачу оригинальной гиперболы в каждом высказывании (*коробки шоколада, бочки шоколада* и т. д.). При этом сохраняется передача оригинального нарастания («климакс» – термин Ю. М. Скребнева, см.: [10, с. 150]): *будете есть шоколад, жить на нем, кататься на такси* и т. д. Переводчик П. Мелкова так же, как и Е. Калашникова, сохраняет передачу гиперболы и климакса, что способствует эффективному манипулятивному воздействию. Следует заметить, что переводчики аналогичным образом передают манипуляцию на данном языковом уровне.

В ходе исследования было выявлено, что переводчики передают речевые средства манипуляции очень близко к оригинальному тексту. П. Мелкова несколько чаще использует аллитерацию и ассонанс (12 контекстов у П. Мелковой и 10 у Е. Калашниковой); гиперболы (12 контекстов у П. Мелковой и 10 у Калашниковой) и повторы (11 контекстов у П. Мелковой и 10 у Калашниковой). Е. Калашникова ярче передает метафору (8 контекстов у Е. Калашниковой и 7 у П. Мелковой), сравнения (8 контекстов у Е. Калашниковой и 7 у П. Мелковой). Переводчики одинаково передают на фонетическом уровне ремарки (20 контекстов), паузацию (7 контекстов), на семасиологическом уровне эпитеты (14 контекстов), метонимии (2 контекста). Характерно, что переводчики солидарны в способе передачи манипуляции (подробнее о способах манипулирования см.: 6, с. 525). В данном отрывке

пьесы это давление на эмоции, внушение, утверждение. Но различия могут показаться и незначительными.

На уровне коммуникации явление манипуляции должно рассматриваться с позиций реализации языковой личностью коммуникативных стратегий. Речевая стратегия представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 70]. Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию говорящего: чем более он компетентен в языке и речи, в применении постулатов и правил общения, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики, тем успешнее он добивается своих целей [11, с. 72].

В ходе анализа манипулятивных контекстов пьес Б. Шоу были выявлены некоторые приемы манипулятивного воздействия (подробнее см.: [1, с. 139]). В анализируемом отрывке из пьесы «Пигмалион» этот прием определяется как *использование различного рода обещаний, клятв, обязательств*. Манипулятор не скупится на обещания и клятвы, легко принимает на себя любые обязательства. Так, профессор Хиггинс красноречиво обещает Лизе красивую жизнь, а сам только заставляет работать над произношением, поведением, внешним видом.

Как видно из приведенных и других имеющихся у нас примеров, на уровне коммуникации уровни мышления, языка и речи выступают в единстве, благодаря чему внутри пьесы воссоздается уникально-неповторимый коммуникативный акт.

Таким образом, в исследовании языкового выражения манипуляций в пьесах должны учитываться требования методологии всех трех уровней: общей, частной и конкретной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веретенкина Л. Ю.* Языковое выражение манипуляции в драматургии А. Н. Островского: Дис. на соис. учен. степени канд. к-та филол. наук. Пенза, 2004. 216 с.

2. *Гагаев А. А.* Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 308 с.

3. *Добрович А. Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 207 с.

4. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. 344 с.

5. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Дис. на соис. учен. степени канд. д-ра филол. наук. Омск, 1999. 385 с.

6. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием в России сегодня. М.: Алгоритм, 2001. 544 с. (Серия: История России. Современный взгляд).

7. *Ковалев Г. А.* О системе психологического воздействия (К определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): Сб. науч. тр. / АПН СССР. НИИ общей и пед. психол. / Ред. А. А. Бодалев. М.: 1989. С. 5–14.

8. *Куницына В. Н.*, *Казарина Н. В.*, *Погольша В. Н.* Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

9. *Пузырев А. В.* Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. 378 с.

10. *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 179 с.

11. *Формановская Н. И.* Размышления о единицах языка // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 56–63.

12. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

13. *Шостром Э.* Анти-Карнеги / Пер. с англ. Мн.: Попурри, 1999. 400 с.

14. *Шоу Б.* Избранные пьесы: Пер. с англ./ Сост., авт. предисл. А. Г. Образцова; Коммент. Ю. Г. Фридштейна. М.: Просвещение, 1986. 256 с.
15. *Шоу Б.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1: Пьесы. М.: Литература, 1999. 656 с.
16. *Shaw G. B.* Pygmalion. High School Publishing House. Moscow, 1972. 176 с.